

ОТ ИМЕНИ ПАВШИХ

Поэт Михаил Сопин умер через три дня после празднования 60-летия Великой Победы. Последние 24 года Сопин жил и работал в Вологде. Его творчество для широкого читателя по-прежнему остается неизвестным.

ВОЕННАЯ ЛИРИКА МИХАИЛА СОПИНА

Недавно известная вологодская пианистка, заслуженная артистка России Елена Распутко побывала в Португалии. И тут произошло то, что ее мистически поразило, хотя случайности в нашей жизни объясняют все. В семье, куда ее пригласили погостить, оказалась 75-летняя Елена Яковлевна - уроженка Украины, из-под Харькова. Десятилетней девочкой ее застигла война. Помнит все места, упоминаемые в стихах Михаила Сопина, особенно станцию Лозовая. Говорить об этом не может без плача, без внутреннего потрясения. Такое же впечатление от военной лирики Сопина.

Напомним, что мальчиком, в возрасте 10-14 лет, ему довелось пережить бегство из-под Харькова, оккупацию, Курскую битву на Воронежском фронте, а потом дойти с войсками Советской Армии до Потсдама. И хотя первые стихи пришли к нему еще в сорок втором, по-настоящему поэт стал писать о войне, когда ему было уже за сорок. Сборника военной лирики Сопина нет до сих пор. А между тем этот голос индивидуален.

Это почти всегда фокусировка двух-трех времен - прошедшего, настоящего и будущего. Смотрит мальчик, а оценивает взрослый.

*А горячие ветры тяжелые -
Ближе и ближе,
И вокзал известковою пылью еще
не забит. (Мальчик).*

*Я беззвучно кричу:
«Заберите скорей ребятишек,
Пока звезды еще
Не коснулись фугасом земли!..»
(Это уже взрослый).*

*И подхватят меня чьи-то сильные
руки под мышки,*

*Одного из печально поющих
твоих сыновей...*

*Мечта мальчика? Взрослого?
Но она не сбывается:*

*...И ударит мне колокол
В огненный путь у Хотмыжска...*

Эта захлебывающаяся, пульсирующая перебивка создает энергетику, вообще свойственную творчеству Сопина. Нередко она проявляется не сразу, а как бы «враскачку». Начало стихотворения очень спокойное, от случайного. Но напряжение нарастает стремительно:

*Сидел у окошка.
Глядел в облаковую завязь...
Вдруг мысли хлесть-нахлесть
Уродливым скользом по льду.
Повеяло детством и ужасом
И показалась -
Какими путями! -
Метель в предвоенном саду...*

Чувствуется, что внутреннее кипение поэта - его постоянное состояние, готовое вырваться в любой миг яркой мыслью, воспоминанием, обобщением. *Лунно. Полночь. Луга.
Дремлют кони.*

Костерок дымовой на лугу...

Но за этим мирным костерком тут же встает видение:

*...Но в пыли и в дыму Лозовая,
И себя не узнать сквозь бинты...*

Несколько точных попаданий врезающихся в память образов: поезда на горящих путях, белые шапки зениток в поднебесье, раскаленные сходни, жгущие стопы... Заметьте сочетание лексики: профессионально-военное («За насыпью - пост», «За сто шагов до поворота», «С преградой водной у деревеньки Тополя»), и - «поднебесье, стопы» - так говорят поэты, а не солдаты и тем более не генералы.

И, как выдох, концовка:
И горит меж былым

и сегодня

Перебитыми крыльями мост.

Хотя какой уж выдох, если мост горит до сих пор... Этот незаживающий разрыв, ощущение невозвратности («И туда не добраться, и не выйти сюда...») чувствуется за каждой строкой.

Про войну вообще написано очень много. Нет, наверное, ни одной забытой детали. Новое у Сопина - эмоциональность подачи, рождающаяся из этих бросков, от стереоскопическо-кинематографического приближения: «Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок...» до эпического обобщения:

И молча вставала
Живая
Над мертвой Россия,
Чтоб в сердце моем
согреться,

Пока не умру.

А почему молча? Минута молчания? Наверное, так, хотя не думаю, чтобы поэт что-то формулировал в момент создания стихотворения. Просто так увидел. Причем от деталей до обобщения так мало строчек, что читающий не успевает опомниться. Рождается эффект «сжатия», пружины, готовой распрямиться. Но распрямляет ее уже читатель - и волнение передается.

Стихи Сопина сильны исторической правдой, которую не всем хочется видеть. И когда поэт сообщает, что на земле, за которую сражался, мальчишка-воин «не хозяин и не гость», сначала запинаешься, а потом почти возмущаешься: не клевета ли? А ведь это - от жизни. И дело не только в том, что сам Сопин в силу трагичности судьбы не смог вернуться на родную Белгородчину. «Не хозяевами» оказались очень многие победители в Великой Отечественной.

А вот поэт видит себя «живым среди убитых и неживым среди живых». Сколько забытых ветеранов подписались бы под этим!

ФОТО ТАТЬЯНЫ СОПИНОЙ

«От имени павших догорит напряженно душа», - такое кредо определил для себя Михаил Сопин в начале зрелого творчества, и эта тревога не угасает: «Скажи - не зря мы полегли?... Чья форма на них? Чьи медали? Не видно сквозь толщу земли...

Скажи, чтобы здесь нас

не топтали.

Скажи, чтобы в нас не плевали.

Мы сделали все,

Что могли.

А сегодня, когда в Таллине хотят снести памятник советскому солдату, удивительно современно звучат вот эти строки:

Нет слез

Балтийских, русских, датских...

Они одни на белый свет.

Не трогайте могил солдатских:

Средь павших оккупантов нет.

Земных не оскверняйте дат

Храните небо голубое.

Раскапывая прах солдат -

Живым готовят поле боя.

Когда душа болит по-настоящему, человек не очень-то заботится о том, каким его видят. Для поэта главное - высказаться: в «никуда», самому себе,

сформулировать в образах, избить
внутренний груз. А когда наступает
выдох... не будем лукавить: всякому
автору хочется быть услышанным.

И он был услышан.

После публикации некоторых сти-
хов в Интернете Татьяна Полякова
(США) пишет, что подобное пережи-
ла ее бабушка в годы войны в Бело-
руссии.

«Так мало остается ниточек, - про-
должает она, - по которым можно най-
ти правду о войне - «из первых рук».
Стихи Михаила Николаевича - одна
из таких ниточек... Я считаю, что это
бесценнейший материал, назначение
которого - работать... Работать во бла-

го мира, во благо детей, внуков, пра-
внуков людей, погибших в этой жесто-
кой войне... Пожалуйста, предлага-
йте его историкам, педагогам... Так
горько становится, что многие начи-
нают забывать историю...»

Учительница русского языка Чал-
тан Чалтанова, Ташкент: «Теперь сти-
хи Михаила будут и в Ташкенте чи-
таться. Пока - школьники, а там - кто
знает?»

Андрей Моисеев, Москва: «Страш-
но, горько, но читал не отрываясь».

Жаль, что всего этого автор уже не
узнает.

Татьяна СОПИНА

МИХАИЛ СОПИН

Я БЕЗЗВУЧНО КРИЧУ...

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДИК

Запылит мне в глаза
И поедет куда-то, поедет
В край зеленого цвета
Мечта, отпустив тормоза!
Вот сидит мое сердце,
Как плюшевый старый медведик,
И стеклянные слезы
Застыли в стеклянных глазах.
А горячие ветры тяжелые -
Ближе и ближе.
И вокзал
Известковою пылью еще не забит.
Я беззвучно кричу:
«Заберите скорей ребятишек,
Пока звезды еще
Не коснулись фугасом земли!»
И подхватят меня
Чьи-то сильные руки под мышки,
Одного из печально
Поющих твоих сыновей.
И ударит мне колокол
В огненный путь у Хотмыжска.
И пройду этот путь,
Не успев исцелиться навек...
В утро, в тихие травы,
В колокольчики радуга брызнет.
И сожмется душа моя
Отзвуком далей лесных -
Улыбаются дети!..
Светлейшие сны моей жизни.
И боюсь шевельнуться:
Сидят во мне черные сны.

Сидел у окошка.
Глядел в облаковую завязь.
Вдруг мысли хлесть-нахлесть
Уродливым скользом по льду.
Повеяло детством и ужасом
И показалась -
Какими путями! -
Метель в предвоенном саду...
Прикрыла воронки
Разгонною беглою мретью.
И в сердце вернулся веселый,
Небомбовый гром!
Но круто запахло
Наркомовской пайкой и смертью
И горькой победой
Под Харьковом
В сорок втором...
Шагали, как беженцы, печи.
Снега парусили.
Багряные выстрелы,
Словно бинты на ветру.
И молча вставала
Живая
Над мертвой
Россия,
Чтоб в сердце моем согреваться,
Пока не умру.

Мне шел одиннадцатый год,
И не моя вина,
Что не дошел он, что его

Оборвала война.
 Слепой, истошный вопль в овсе -
 Шли танки с трех сторон
 Давили, били, рвали всех
 Без всяких похорон.
 На равных
 Бой,
 И крик - ура!
 Багряный след в овсе...
 И насмерть бил, как били все.
 И пропадал, как все:
 Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
 Бью в башни по крестам,
 Но под разездом Казачок
 От пули в бок
 Устал.
 Устал... Усталости конец -
 Убитых братьев зов.
 И пил в одиннадцать сыреца
 С багровою слезой.

Лунно. Полночь. Луга.
 Дремят кони.
 Костерок дымовой на лугу...
 Так хочу
 Это видеть и помнить
 И, прощаясь,
 Забыть не могу.
 Только взглядом молю, призывая,
 Чтобы крик не вспугнул:
 «Где же ты?!»
 Но в пыли и в дыму Лозовая,
 И себя не узнать сквозь бинты.
 Подмените меня, замените.
 Поезда на горящих путях.
 В поднебесье
 Разрывы зениток,
 словно белые шапки летят.
 Жгут стопы
 Раскаленные сходни.
 Дальше - поздно.
 За насыпью - пост.
 И горит меж былым и сегодня
 Перебитыми крыльями
 Мост.

ПЕХОТА

За сто шагов до поворота,
 Где Ворскла делает дугу,
 Далекой осенью
 Пехота
 Смешалась,
 С землей

Смешалась на бегу.
 И стала тихой и свободной,
 Уйдя в прилужья и поля
 Сырой земли
 С преградой водной
 У деревеньки Тополя.
 Подбило память серой льдиной:
 Я не хозяин здесь, не гость.
 За все про все
 Надел родимой,
 Моей земли
 Досталась горсть.

Нас гваздали будни и беды,
 И лозунгов диких вранье
 За множество лет до Победы
 И столько же - после нее.
 Без слов, без гранат, без атаки,
 Вслепую - какая там связь! -
 Бежали на танки, под танки,
 Горящей землей становясь.
 Над нами
 По росту, по ГОСТу
 Шеренги чеканят шаги.
 Живых вопрошают погосты:
 «Россия! Над нами - враги?
 Чья форма на них, чьи медали?
 Не видно сквозь тяжесть земли...
 Скажи, чтобы здесь не топтали,
 Скажи, чтобы в нас не плевали -
 Мы сделали все, что могли».

Ищу друзей
 На той войне.
 Здесь мир не мой.
 Страна другая.
 Мне страшно, братцы,
 Пусто мне.
 Чужой я здесь
 До содроганья.
 Бегу в огонь из-под огня.
 Пить! Пить... хочу...
 Красна водица!
 И понимаю: для меня -
 Что умереть, что пробудиться.
 И снится мне,
 Что я живой.
 Рассвет был мрачен и прохладен.
 И ветер почты полевой
 По голове меня погладил...
 В каком году, в каком краю
 Приговоренно, безысходно

Средь павших без вести стою
Один,
Построенный повзводно.

В воронках, у стенки,
Во рвах, на холмах,
У рябинок -
По отчему краю
Без вас не отыщешь версты:
Могилы забвенья,
Фанерные звездочки, бирки,
Крест-накрест березы
Да русские в поле кресты.
Я ветры прошу,
Ребятишкам шепчу:
«Осторожно
Касайтесь камней,
Чернобокой ракиты и трав.
Здесь - думы страны,
Без чего вам прожить
невозможно...»
Взывающий к миру,
Глаза застилает мне прах.
Проходит сквозь ставни,
Влетает в холодные сенцы.
Разбиться-забиться,
Не выкричать
Лиха в лета.
Так свято, так тяжело,
Отчизна,
Не знаю, как сердце
Не ахнет фугасом,
Вобрав твою боль
И впитав.

Брат погибший, прости.
Друг живущий, прости.
Так непростю мне
Светлую песню нести!
Все мне слышится шум,
Все горят ковыли...
Подожди, я прошу.
Пусть душа отболит.
Вместо птиц -
Косяками
В полночь трассы войны,
И в глаза затекают
По Донцу плывуны
Слышу зуммеры раций
В полевых проводах.
И туда не добратся,
И не выйти сюда...
Годы. Годы -

По сердцу стальная межа.
А над ней -
Воронье, воронье, воронье...
Вот листочки кружат.
Вот снежинки кружат
Каруселью,
Забытые в поле моем.

СОЛДАТАМ РОССИИ

Полвека снятся сны о битвах
Степных, метельных, дождевых,
Что я живой
Среди убитых
И неживой -
Среди живых.
И тягостно от лжепричастья
Словес:
«Никто не позабыт!»
Кричу.
Но мне не докричаться:
Кровавым грунтом
Рот забит.
И слышу без вести пропавших,
Их мысли шепчут ковыли:
«Ответь, что там за жизнь
У близких наших?»
Скажи,
Не зря мы полегли?»
И я броском -
Назад от даты,
Туда,
Сквозь грязь,
По гужевым,
Где примут исповедь
Солдаты
И нарекут
Меня
Живым.

ФОТО ЛЮБИМА КОЛМОГОРОВА (Пермь)